

М. В. ЩЕПКИНА

К вопросу о правописании рукописи „Слова о полку Игореве“

Сличение первого издания «Слова» с Екатерининской копией дало нам возможность выяснить до известной степени приметы самой рукописи — ее размеры, количество листов, которое занимала в ней поэма. Настоящая работа является попыткой разобраться в особенностях правописания памятника, поскольку оно отразилось в двух дошедших до нас списках; причем надо оговориться, что Екатерининскую копию мы будем рассматривать как транскрипцию самого владельца, графа А. И. Мусина-Пушкина, а первое издание в основном как транскрипцию редактора А. Ф. Малиновского. Конечно, надо иметь в виду, что транскрипция Екатерининской копии не являлась для Мусина-Пушкина окончательной, он продолжал работать над ней вплоть до издания 1800 г.: об этом свидетельствуют слова предисловия к первому изданию, что владелец рукописи «через старания свои и прозрбы к знающим достаточно российский язык, доводил чрез несколько лет приложенный перевод до желанной ясности».¹ Несомненно, слова эти надо относить не только к переводу, но и к самому тексту «Слова».

Давно учтены все разночтения этих двух списков. Однако до сих пор еще не сделаны все выводы из этих разночтений. Может быть, это объясняется тем, что не вполне выяснено соотношение этих списков. Много раз было высказано мнение, что первое издание выполнено чрезвычайно добросовестно и, по мере возможности, точно передает написания подлинника. Особенно ценно для нас свидетельство очевидца рукописи, Н. М. Карамзина. Последний передавал К. Калайдовичу, что «по сделанному им сличению оказалось, что Песнь о походе князя Игоря со всей точностью напечатана против подлинника, выключая слов „вѣчи Трояни“, вместо которых в подлиннике стоят „сѣчи Трояни“. Касательно же „Ольга“, на стр. 6, то это учинено для большей ясности».² Подобное же указание находим у Н. М. Карамзина в примечании № 268 к третьей книге «Истории Государства Российского»: «Сочинитель говорит (стр. 16) „с тоя же Кааялы Святопакъ... по сѣчѣ я отца своего между Угорьскими иноходцами ко святой Софии к Къеву“. Издатели не угадали смысла сей речи, где есть описка: „повелѣ я“ вместо „по сѣчѣ я“, т. е. взял». О добросовестности Малиновского говорят и Д. Дубенский и Е. В. Барсов.³ В наше время тщательность первого издания отмечал

¹ Слово о полку Игореве. М., 1800, Предисловие, стр. VII—VIII.

² Со слов профессора Московского университета Р. Ф. Тимковского (см: Летописи русской литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, стр. 90).

³ Д. Дубенский. Слово о полку Игореве, объясненное по древним письменным памятникам. М., 1844; Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, тт. 1—3. М., 1887—1890.

А. С. Орлов. То же указывает и Д. С. Лихачев в своих комментариях к «Слову».⁴ Из всех исследователей только, кажется, Н. С. Тихонравов прямо отдавал предпочтение Екатерининской копии и считал, что по сравнению с нею первые издатели «Слова» в 1800 г. произвольно изменяли написание оригинала.⁵

Однако на деле недоверие к первому изданию мы встречаем даже у тех исследователей, которые отдают ему как будто должное. Тот же Е. В. Барсов высказывает мнение, что хотя издатели и избегали поправок, но допускали их там, где смысл для них был ясен и где казавшаяся им грамматическая ошибка могла «затемнять его для читателей». Так, Барсов предполагает, что написание оригинала «сынъ Всеволодь» издатели исправили на «Всеволожь»; а относительно чтения в первом издании «подобію» вместо «по дубію» считает, что «погрешность эта могла принадлежать самим издателям».⁶

Предположив, что Малиновский не вполне разобрал написание рукописи или, разобрав, заподозрил в нем ошибку и произвольно исправил ее, Барсов предлагает обычно свою версию «подлинного текста» рукописи и, исходя из нее, дает объяснения и перевод, часто мало обоснованный и даже фантастический. Главная ошибка Барсова заключается в том, что единичный случай, встреченный им в какой-либо одной рукописи, он возводит в правило, которое и применяет потом для объяснения и исправления текста первого издания. Этому способствовало то обстоятельство, что Барсов был сам собирателем рукописей.

В наше время А. С. Орлов заявлял, что кладет в основу своего издания «печатный текст 1800 года, как более осмотнительно сделанный», но вносит «в этот основной текст лучшие чтения, местами сохранные Архивной (Екатерининской) копией».⁷ Таким образом, создается впечатление, что Орлов придает одинаковое значение показаниям обоих списков, что они для него по существу равноценны. В ряде случаев он предполагает «подравнивание написаний» то в одном, то в другом списке и не определяет, в чем же собственно заключается различие того и другого. А между тем их разногласия вытекают из тех целей, которые ставят себе Мусин-Пушкин и Малиновский.

Ф. И. Буслаев в своей оценке обоих списков говорит не о произволе издателей, а о несовершенстве транскрипций: «Правописание Слова о полку Игореве дошло до нас в самом искаженном виде как потому, что оно было подновлено и попорчено в рукописи XV или XVI столетия, так и потому, что ни писец Ек. копии, ни издатель 1800 года с своими помощниками не умели во всей точности передать старинную рукопись».⁸ Таким образом, Буслаевым поставлен в сущности вопрос о системе двух транскрипций. Позднее И. И. Козловский, выясняя различие обоих списков, на ряде примеров показал, что издание 1800 г. пытается передать оригинал, как он есть, а Екатерининская копия упрощает правописание подлинной рукописи.⁹ Наша задача заключается в том, чтобы продолжить и

⁴ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», второе, дополненное издание. М.—Л., 1946; Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве». Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 361—365.

⁵ Н. С. Тихонравов. «Слово о полку Игореве». М., 1866.

⁶ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве»..., т. 3, стр. 182, 164; ср. также стр. 194, 199, 206, 226, 229, 288.

⁷ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», стр. 45.

⁸ Ф. И. Буслаев. Русская хрестоматия, изд. X. М., 1912, стр. 86.

⁹ И. И. Козловский. Палеографические особенности рукописи «Слова о полку Игореве». Древности, Труды Московского археологического общества, 1890, т. XIII, вып. 2, стр. 2—3.

уточнить анализ, начатый И. И. Козловским, проследить правописание первого издания и выяснить приемы передачи подлинной рукописи у Малиновского в издании 1800 г. и у Мусина-Пушкина в Екатерининской копии.

В первую очередь мы остановимся на вопросе о югославянской орфографии, следы которой отмечают в рукописи «Слова» все исследователи. Это — приемы правописания, сложившиеся в систему у балканских славян к концу XIV в. В XV в. эта условная, частью архаизирующая орфография вытесняет у нас свою, русскую. Основные правила нового югославянского правописания следующие: 1) постановка «і» десятеричного перед всеми гласными; 2) восстановление старославянского написания глухих перед плавной в положении между согласными, т. е. «ръ», «лъ» вместо древнерусских «ѣр», «ѣл» и новых «ор», «ол» (ср. слова «влѣкъ», «брѣзь» и т. п.);¹⁰ 3) отсутствие иотации, т. е. окончания «аа», «иа» вместо «ая», «ия»; 4) употребление одной из полугласных в качестве конечного знака (обычно «ѣ») и «ѣ» в середине слов, а также в предлогах.¹¹ Приемы эти в одних русских памятниках XV, а также первой половины XVI в. проведены более строго, в других менее. Особенно ярко проявляется новая орфография в рукописях церковного содержания. Как пример можно указать уже приводившиеся нами однажды псалтыри: Епархиального собрания № 86, XV в., и Музейского собрания № 4085, первой половины XVI в.¹²

Весьма характерный образец подобного правописания представляет также Апостол XV в. Синодального собрания № 18. В этой рукописи, на странице листового размера в 30 строк, «і» десятеричное может встречаться по десяти и более раз; случаев отсутствия иотации насчитывается от четырех до десяти на страницу, а написаний типа «ръ», «лъ» — в среднем от четырех до пяти на страницу.

Если мы обратимся к правописанию рукописи «Слова о полку Игореве», то мы должны принять во внимание, что в Екатерининской копии, кроме приемов книжной орфографии конца XVIII в., соблюдавшихся в печати, надо учитывать и те отступления от установленного правописания, которые допускались в русской письменности этого времени. Мы подразумеваем, например, постановку «я» и «ю» после «ч», а также «е» вместо «ѣ» в неударном положении. В этих случаях Екатерининская копия частью будет совпадать с оригиналом, а частью расходиться с ним, смотря по тому, является ли данный прием привычным для писца XVIII в. Что касается первого издания, то оно, с одной стороны, стремилось передать оригинал со всей точностью, а с другой стороны, чтобы сделать текст удобочитаемым и «грамотным», должно было в известной мере соблюдать установленное правописание своей эпохи (конец XVIII в.).

Как уже сказано, мы остановимся на югославянских особенностях правописания, отмеченных в первом издании «Слова». Начнем с «і» десятеричного. А. С. Орлов в своих изданиях 1923 и 1946 гг. впервые отказался от употребления «і» десятеричного. «Новостью нашего издания, — говорит он, — является совершенное устранение і, проставленного первыми издателями в тексте Слова, несомненно под влиянием орфографии конца 18 века. Все „і“ заменены у нас „и“, что соответствовало средневековой графике в преобладающем числе случаев». А. С. Орлов не раз-

¹⁰ Мы не касаемся отдельно написаний «ръ», «лъ», так как, по югославянской орфографии, «ѣ» в середине слова заменяется обычно через «ѣ».

¹¹ Конечный «ѣ», вообще не обязательный для большинства русских летописей XV в., мы пока оставляем.

¹² См.: ТОДРЛ, IX. М.—Л., 1952, стр. 13

живает и не поясняет своего положения; возможно, он говорит на основании личного опыта. Объяснение дает нам палеография русских рукописей, которая отмечает, что «в первой половине 16 века московская письменность (кроме литургических текстов) вообще очищается от югославянских особенностей».¹³ Следовательно, югославянское правописание может встречаться в церковных текстах и позднее. Другое дело — тексты светского содержания, в них «и» восьмеричное преобладает над «і» десятеричным в положении перед гласной, даже в памятниках XV в. Особенно бросается в глаза эта особенность в летописных текстах, таких, как летопись XV в. Синодального собрания № 941, летопись первой половины XVI в. собрания Уварова № 1366, Кирилло-Белозерская летопись XVI в., бывшая в Синодальном собрании за № 788, летопись XVI в. в собрании Черткова № 360. Следовательно, для текста «Слова о полку Игоре» А. С. Орлов мог с полным основанием допустить преобладание «и» восьмеричного. Он не прав только в одном отношении: явление это не означает еще, что сгоревшая рукопись Мусина-Пушкина относилась непременно к XVI в. Как уже указано, отсутствие «і» десятеричного перед гласными могло иметь место и в первой половине XVI и даже в XV в.

В первом издании «Слова» «і» десятеричное проставлено 94 раза: 90 раз перед гласной, 3 раза в имени «Владимир» (согласно правописанию XVIII—XIX вв.)¹⁴ и 1 раз в слове «усобицѣ» (на стр. 3). Екатерининская копия совпадает с первым изданием в 88 случаях; 5 раз копия дает окончание «ый», «ыя» вместо «ий», «ия»:

Первое издание

русскія (стр. 20)
половецкія (стр. 22)
великій (стр. 26)
ляцкіи (стр. 33)
литовскія (стр. 33)

Екатерининская копия

русская (л. 30 об.)
половецкая (л. 31)
великий (л. 31 об.)
ляцкыи (л. 32 об.)
литовская (л. 33)

В слове «усобицѣ» Екатерининская копия, в противоположность первому изданию, ставит «и» восьмеричное.

Отступления от общепринятой орфографии своего времени, допущенные Малиновским в словах «Володимиръ» (стр. 28) и «усобицѣ» (стр. 3), наводят на мысль, что он хотел отметить особенности правописания оригинала. При этом в слове «усобицѣ» мы встречаем особое написание «і» десятеричного, а именно с одной точкой.

Надо напомнить, что в первом издании употреблены четыре шрифта: 1) крупный гражданский шрифт для предисловия и перевода поэмы; 2) соответствующий ему мелкий гражданский шрифт для примечаний; 3) крупный курсив для самого текста поэмы, а также для имен собственных как в предисловии, так и в переводе; 4) соответственный ему мелкий курсив для цитат и имен собственных в примечаниях.

Все четыре шрифта передают «і» десятеричное в виде столбика с двумя точками. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется следующая особенность: и крупный и мелкий курсив дают два начертания для «і» десятеричного — одно с двумя точками, обычное для всех четырех шрифтов, и другое с одной точкой. Это второе начертание встречено в мелком курсиве всего один раз и то лишь в цитате из рукописи Мусина-Пушкина, а именно в оглавлении ее, в слове «Лѣтописаніе», тогда как «і» десятеричное с двумя точками употреблено в этом же оглавлении

¹³ В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1919, стр. 119.

¹⁴ Один раз первое издание, вопреки новому правописанию, дает «Володимиръ» через «и» восьмеричное (стр. 28) и один раз «Володимеръ» (стр. 5).

9 раз.¹⁵ В крупном курсиве в самом тексте поэмы «і» десятеричное с одной точкой проставлено 12 раз. Как белая бумага роскошных экземпляров, так и подсиненная бумага обычных экземпляров первого издания имеют настолько неровную и рыхлую поверхность, что две точки курсивного «і» десятеричного выходят на ней неодинаково четко: левая точка обычно отпечатывается слабее. Это затрудняет проверку. Однако 12 написаний с одной точкой прослежены по восьми экземплярам первого издания, причем установлено, что они повторяются всюду, в одних случаях совершенно ясно, в других менее отчетливо; в слове «усобиць» «і» в некоторых экземплярах стоит даже совсем без точки. Сличение проведено по следующим экземплярам первого издания:

Государственный исторический музей

- 1) экземпляр акад. М. Н. Сперанского
- 2) » М. И. Прахова

Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина

- 3) экземпляр графа Н. П. Румянцева
- 4) » Общества истории и древностей российских
- 5) » А. Ф. Малиновского
- 6) » А. С. Норова
- 7) » графа С. Д. Шереметева
- 8) » Л. М. Кубарева¹⁶

В Екатерининской копии «і» десятеричное пишется всюду с одной точкой, за исключением слова «копїе», где почему-то проставлены две точки.¹⁷ Приводим те 12 случаев, где «і» десятеричное дано в первом издании с одной точкой вместо двух: мыслію (стр. 3), усобиць (стр. 3), мльніи (стр. 12), къ Кіеву (стр. 16), поганїи (стр. 19), кїевскїй (стр. 21), лядкїй (стр. 33), веселїе (стр. 34), кїевскаго (стр. 35), божїа (стр. 37), кїевскымъ (стр. 37), нелюбія (стр. 41).

Не верить транскрипции Малиновского мы не имеем основания. Видеть в этих 12 случаях особого написания «і» десятеричного случайность — нельзя: мы знаем, что корректура первого издания велась медленно и тщательно, по-видимому в течение двух лет, как полагает М. Н. Сперанский.¹⁸ В дошедших до нас экземплярах имеется еще одна особенность, которая показывает, насколько тщательно велось первое издание. Мало того, что оно имело три корректуры, в нем произведена была еще замена четырех листов уже отпечатанного текста. Надо думать, что в них были обнаружены какие-то важные недочеты, потому что они вырезаны и взамен подклеены вновь отпечатанные листы. Во всех 8 просмотренных нами экземплярах листы 1/2, 7/8, 15/16, 37/38 вклеены.¹⁹ Это наблюдается даже в роскошных экземплярах, которые принадлежали графу

¹⁵ Не считая «і» в словах: «Исус Навин» и «Судей іудейских», где в обоих случаях стоит заглавная буква без точки вообще (см. стр. VII издания 1800 г.).

¹⁶ Описание перечисленных экземпляров см. в статье А. В. Позднеева (ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 244). Перепечатки первого издания здесь не привлекаются, так как выяснилось, что они вообще не вполне достоверны в передаче деталей: в них «і» десятеричное вышло местами с одной точкой и в тех случаях, где в подлинном издании прослеживаются две точки.

¹⁷ См. факсимильное издание Екатерининской копии «Слова о полку Игореве»: Слово о полку Игореве, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Под ред. Н. В. Водозова. ГИХЛ, М., 1954, стр. 2.

¹⁸ См. факсимиле первого издания «Слова о полку Игореве» М. и С. Сабашниковых (М., 1921, статья М. Н. Сперанского, стр. 24).

¹⁹ Н. Н. Зарубин в своей работе «К вопросу о первом издании Слова о полку Игореве» установил перепечатку одного листа 15/16 и указал экземпляр А. Ф. Бычкова, сохранивший первоначальный текст (см.: Сборник статей в честь 40-летия ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 523—527).

Н. П. Румянцеву и Обществу истории и древностей российских. Правда, подклейка в них произведена особенно тщательно и новые листы отпечатаны на той же плотной, слегка желтоватой бумаге, с тем же самым водяным знаком (геральдическая лилия), что и в остальной книге. В простых экземплярах, где бумага менее плотная и плохо отбеленная, вставные листы отличаются более интенсивной синеватой окраской, а также иной фактурой.

Итак, три корректуры, замена уже отпечатанных четырех листов новыми и лист с указанием замеченных опечаток, приложенный в конце издания, — все это говорит о строгой проверке транскрипции. Остается думать, что 12 случаев «і» десятеричного с одной точкой передают подлинное написание рукописи, тогда как «і» десятеричное с двумя точками, стоящее в курсивном тексте поэмы, очевидно, проставлено Малиновским вместо «и» восьмеричного всюду, где это требовалось правописанием конца XVIII в.

Следовательно, из 94 случаев «і» десятеричного, встреченного в первом издании «Слова», только 12 соответствовали написанию оригинала, а в остальных 82 случаях в рукописи «Слова» стояло «и» восьмеричное. Таким образом, Малиновский хотя и должен был выправить правописание памятника согласно современным правилам, но принял меры, чтобы отметить подлинные случаи «і» десятеричного, встреченные в самой рукописи. Особенно доказательно для нас написание такого слова, как «усобицѣ», где «і» десятеричное не требовалось ни югославянским правописанием XV—XVI вв., ни современным; и слово это как раз имеет в издании «і» с одной точкой. Это показывает, что и в остальных 11 случаях мы имеем дело не с опечаткой и не с типографской небрежностью, а с сознательным желанием отразить правописание подлинника. Правда, способ, примененный Малиновским, нельзя назвать удачным. Во-первых, в некоторых экземплярах издания в тех случаях, где «і» десятеричное должно бы иметь две точки, оно имеет одну, так как левая не вышла, хотя след от нее имеется на бумаге. Это можно объяснить несовершенством печати, а также фактурой бумаги. В других случаях, где по существу стоит «і» с одной точкой, очень мешают типографские помарки, т. е. следы типографской краски, идущие по контуру штампа соседней буквы слева; особенно чувствуется эта помеха в словах «Кіеву» и «Кіевскими», так как помарки, рисующие границу штампа заглавной буквы «К», временами создают подобие второй, левой точки над буквой «і».²⁰

Итак, на 17 неполных страницах листового размера в рукописи конца XV—начала XVI в. встречены 12 случаев «і» десятеричного, между тем как в памятниках этого времени с ярко выраженной югославянской орфографией «і» десятеричное могло встречаться на листовой странице по 10 раз и больше, как мы видим в Синодальном Апостоле № 18. В оригинале «Слова» «і» десятеричное приходилось в среднем от одного до двух раз на лист, т. е. меньше, чем по одному случаю на страницу. Цифра эта вполне допустима для памятника с историческим, а не церковным содержанием, но самое количество случаев заставляет предполагать, что правописание рукописи соответственно этому и в других отношениях не носило югославянского характера. Об этом же свидетельствует и количество примеров отсутствия иотации — всего 9 случаев на 17 листовых страниц рукописи.²¹ Случаи эти следующие (первое издание): вѣщја (стр. 1),

²⁰ Эти следы типографской краски, рисующие границы штампа, очень хорошо видны на концовке, изображающей корзинку с цветами

²¹ Случаи отсутствия иотации в тексте первого издания уже отмечены А. С. Орловым в указанном сочинении.

сія (стр. 6), съ заранія (стр. 17), трупія (стр. 17), копія (стр. 17), копія (стр. 37), божія (стр. 37), веселія (стр. 41), граахуть (стр. 43).

В Екатерининской копии находим такие же написания в этих 9 случаях, что подтверждает показания первого издания.

Эти редкие примеры отсутствия иотации приводят А. С. Орлова к заключению, что рукопись Мусина-Пушкина была написана уже после падения югославянской орфографии, т. е. не в XV, а в XVI в. Однако, как мы уже указывали относительно «і» десятеричного, это явление не столько зависело от времени написания рукописи, сколько от самого содержания текста.

«Слово о полку Игореве» нельзя сравнивать с привычными церковными памятниками, где новое югославянское правописание укреплялось от списка к списку. В данном случае текст был исторического, притом совершенно особого содержания. В подобном памятнике приемы югославянского правописания не были обязательны. Самые примеры отсутствия иотации, встреченные в тексте поэмы, являются в сущности словами, характерными для такого церковного текста, как например, псалтырь: божія, сіа, вѣщія, веселія, копія, трупія. Они были настолько привычны для писца XV—XVI вв., что он мог машинально внести их в любой текст при списывании. Но их очень немного. Зато при 12 случаях «і» десятеричного и 9 случаях отсутствия иотации мы встречаем в первом издании непропорционально большое количество случаев употребления группы «плавная + глухая» типа «рѣ», «лѣ». Подобных написаний имеется в издании «Слова» 71 случай на 17 страниц оригинала, т. е. в среднем от 4 до 5 случаев на страницу, или от 8 до 9 на лист, как мы это встречаем в рукописях с типичным югославянским правописанием.²²

Мы имеем две попытки объяснить это явление. С. П. Обнорский приписывает обилие написаний типа «рѣ», «лѣ» (глухая после плавной) последнему писцу XV—XVI вв., который придал орфографии рукописи Мусина-Пушкина модный югославянский характер.²³ Как мы уже указывали выше, это вряд ли возможно в рукописи исторического содержания; притом количество их несоразмерно велико по сравнению с другими чертами нового правописания XV в. А. С. Орлов, который с самого начала отрицает югославянский характер орфографии в рукописи «Слова о полку Игореве», относит многочисленность случаев типа «рѣ», «лѣ» за счет древнего протографа поэмы, т. е. видит в них отголосок орфографии первоначальной рукописи «Слова» конца XII в. Предположение это уже само по себе вызывает сомнение. В протографе конца XII в., притом в русском и не традиционном тексте, мы скорее могли бы ожидать преобладания случаев обратной постановки — глухой перед плавной, т. е. «ѣр», «ѣл», типа «вѣлкѣ», «пѣлкѣ». Разительное расхождение в количестве случаев «рѣ», «лѣ» между первым изданием и Екатерининской копией также говорит против этого предположения. Правда, А. С. Орлов в данном случае слышит оба списка поэмы и пытается сделать выводы из их различий. Но если его предположение относительно редкости употребления «і» десятеричного подтверждается транскрипцией Малиновского, то в вопросе об употреблении группы «рѣ», «лѣ» А. С. Орлов не пришел к ясным и бесспорным выводам. Он дает для первого издания статистику

²² Само собой разумеется, количество случаев зависит от содержания текста и распределение их поэтом не может быть равномерно.

²³ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского языка. М., 1939, стр. 90.

написаний: плавная + глухая, и отмечает, что оба списка в отношении этой особенности совпадают в 22 случаях.²⁴

А. С. Орлов предполагает, что эти совпадающие в обоих списках написания можно возводить к самой рукописи «Слова». Что же касается случаев, в которых первое издание дает написание «ръ», «ль», а Екатерининская копия «ѣр», «ол» (по Орлову, 44 случая), то о них он говорит следующее: «Хотя мы и склонны допустить, что большинство в этих 44-х начертаниях (первого издания) верно воспроизводят «ръ», «ль» подлинника, но возможно, что в нескольких случаях этими «ръ», «ль» подменены «ѣр», «ъл» с целью подравнивания правописания».²⁵ Поэтому он считает, что к общим 22 случаям написания «ръ», «ль» для рукописи «Слова» можно прибавить «еще хоть треть таких же индивидуальных написаний первого издания» и полагает, что их было в оригинале всего около 35.

Написаний с группой «ѣр», «ъл» А. С. Орлов насчитывает в первом издании 5²⁶ и полагает, «что их было больше, но редакторы сочли такие начертания чуть ли не ошибочными и, подравнивая правописание, заменили их в ряде случаев группой «ръ», «ль». Исходя из этого предположения, А. С. Орлов к 5 случаям, встреченным в первом издании, считает возможным добавить 3 случая «ѣр», «ъл», приведенные в Екатерининской копии, и насчитывает их «по крайней мере 8». Затем, отметив, что Екатерининская копия в большинстве случаев написания югославянского типа, сохраненные в первом издании, передает как «ор», «ол», А. С. Орлов приписывает это неопытности Мусина-Пушкина в начальный период его работы над текстом рукописи «Слова».²⁷

Таким образом, А. С. Орлов как будто основывается на показаниях первого издания. Но он подозревает в произвольной передаче подлинника не только Мусина-Пушкина в Екатерининской копии, но и редактора первого издания. Первый «подновляет» правописание оригинала на современный лад («ор», «ол»); редакторы первого издания «подравнивают» древнерусские написания «ѣр», «ъл» под югославянский «ръ», «ль», так как начертания этого типа встречались в рукописи чаще, чем первые. Но если стать на такую точку зрения и допустить произвольную передачу оригинала в обеих транскрипциях, то вряд ли можно сделать надежные выводы из их разночтений. В силу этого на выводы А. С. Орлова нельзя полагаться полностью. Единственно, что можно принять из его предположений, это то, что в тех случаях, где оба списка совпадают в передаче написаний «ръ», «ль», они действительно отражают подлинное правописание оригинала поэмы. Правда, система транскрипции первого издания (т. е. Малиновского) еще не раскрыта вполне, но, как мы уже указывали, после И. И. Козловского совершенно естественно предполагать, что Малиновский стремился к точной передаче рукописи, а Мусин-Пушкин в Екатерининской копии упрощал ее. Характеристика эта, несмотря на ее общность, дает нам право исходить при оценке разночтений двух списков из показаний первого издания.

В первом издании всего 75 слов, где имеется написание «плавная + глухая» между двумя согласными. Из них имеют написания в обоих списках «ръ», «ль» 23 слова, написания «ѣр», «ъл» только в первом издании 4 слова, написания «ѣр», «ъл» только в Екатерининской копии 3 слова.

²⁴ Цифра эта преуменьшена у А. С. Орлова, и из нее следует исключить слово «въ друзѣ», так как это — старая ошибка самого оригинала, повторенная в обоих списках. Ниже мы дадим исправленные цифры.

²⁵ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», стр. 55.

²⁶ В действительности их только четыре. А. С. Орлов ошибочно причисляет к ним «Святоплькъ» — I, 16.

²⁷ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», стр. 34.

Можно считать, что в тех 23 случаях, где оба списка совпадают в написании группы «ръ», «ль», они передают правописание оригинала.

Четыре случая написания древнерусского типа «ѣр», «ѣл», имеющиеся в начале текста в первом издании, также должны восходить к правописанию подлинной рукописи «Слова». Это как раз те типы, в которых можно видеть отражение протографа поэмы. В конце XII в. в русском тексте исторического содержания мы вправе ожидать преобладания именно таких русских написаний «ѣр», «ѣл» над старославянскими «ръ», «ль». Очень характерно в данном случае, что они стоят в начале текста.²⁸ Это — обычное явление, наблюдающееся в рукописях: в начале текста писец присматривается пристальнее к своему оригиналу и тщательнее передает его правописание, а иногда и самые начертания. В дальнейшем, освоившись с особенностями подлинника, он переходит к привычным приемам своего времени и своей школы. То же видим мы и здесь: после первой страницы писец конца XV—начала XVI в. уже не передает неупотребительных в его время написаний «ѣр», «ѣл», заменяя их привычными для себя югославянскими типами «ръ», «ль». Мусин-Пушкин в Екатерининской копии передает эти четыре начальных случая в современной транскрипции, как «ер», «ол»:

Первое издание	Екатерининская копия
пѣлку (стр. 1)	полку (л. 27)
вѣлкошь (стр. 3)	волкомъ (л. 27)
пѣрвыхъ (стр. 3)	первыхъ (л. 27)
пѣлки (стр. 4)	полкы (л. 27)

Для Мусина-Пушкина слова эти вполне ясны: подобные написания встречены в рукописи только четыре раза, и он не считается с ними. Другое дело — 23 случая написания «ръ», «ль». Количество их показывает, что это был прием, характерный для самой рукописи. При этом для Мусина-Пушкина «ѣ» и «ь» не являлись звуками, а могли обозначать или 1) мягкость или твердость согласной, или 2) конец слова. Так как Мусин-Пушкин не всегда был уверен в своем делении текста на слова, то это также заставляло его сохранять подобные написания подлинника. Как же рассматривать тогда в Екатерининской копии три написания типа «ѣр», «ѣл». Все они приходятся на вторую и третью страницы копии. Первое издание передает их как югославянские «ръ», «ль».

Первое издание	Екатерининская копия
брѣзая (стр. 5)	брѣзая (л. 27 об.)
брѣзыи (стр. 7)	брѣзыи (л. 28)
вѣлци (стр. 8)	вѣлци (л. 28)

Мы полагаем, что и здесь также следует исходить из первого издания: раз Малиновский отметил четыре случая русского написания «ѣр», «ѣл» в начале текста, то странно было бы думать, что он не отметит их и в дальнейшем тексте. Надо полагать, что трех случаев, отмеченных Екатерининской копией, совсем не было в оригинале, что это — те же написания югославянского типа «ръ», «ль», неверно переданные Екатерининской копией, и, может быть, это вина не самого Мусина-Пушкина, а просто ошибка екатерининского писца, для которого легче было поставить «брѣзыи», «вѣлци», чем более необычное написание «брѣзыи», «вѣлци».

Отдавая предпочтение первому изданию, мы все-таки предполагаем какую-то, хотя бы простейшую систему и у Мусина-Пушкина в Екатерининской копии и считаем поэтому, что раз он первые четыре случая древнерусского написания передал как «ер» и «ол», того же следовало ожидать

²⁸ Судя по Екатерининской копии, они приходились на первую страницу текста в рукописи Мусина-Пушкина.

в его транскрипции и в дальнейшем. В силу этого в приведенных у него трех случаях скорее надо видеть опisku писца. Однако наличие в этих трех случаях полугласной дает нам основание рассматривать их как обычное написание югославянского типа «рѣ», «лѣ». Поэтому число совпадений в обоих списках надо считать не 23, а 26. Приводим их по обоим спискам с исправлением трех написаний «ѣр», «ѣл» Екатерининской копии на «рѣ», «лѣ».

Первое издание

прѣсты (стр. 4)
брѣзыя (стр. 5)
брѣзыи (стр. 7)
вѣскрѣмени (стр. 8)
влѣци (стр. 8)
врѣху (стр. 9)
влѣзѣ (стр. 9)
блѣванѣ (стр. 9)
чрѣленыя (стр. 10)
чрѣлеными (стр. 10)
чрѣленѣ (стр. 11)
чрѣлена (стр. 11)
чрѣлеными (стр. 13)
хлѣми (стр. 21)
чрѣпахуть (стр. 23)
златоврѣсѣмѣ (стр. 23)
стлѣпа (стр. 25)
врѣжеса (стр. 25)
поврѣгоща (стр. 32)
чрѣлеными (стр. 33)
врѣже (стр. 35)
подпрѣся (стр. 35)
хрѣсови (стр. 35)
прѣтрѣгоста (стр. 41)
чрѣнядыми (стр. 42)
пожрѣши (стр. 42)

Екатерининская копия

прѣсты (л. 27)
брѣзыя (л. 27 об.)
брѣзыи (л. 28)
вѣскрѣмени (л. 28)
влѣци (л. 28)
врѣху (л. 28)
влѣзѣ (л. 28)
блѣванѣ (л. 28 об.)
чрѣленыя (л. 28 об.)
чрѣленѣ (л. 28 об.)
чрѣлеными (л. 28 об.)
чрѣвлена (л. 28 об.)
чрѣлеными (л. 29)
хлѣми (л. 30 об.)
чрѣпахуть (л. 31)
златоврѣсѣмѣ (л. 31)
стлѣпа (л. 31 об.)
врѣжеса (л. 31 об.)
поврѣгоща (л. 32)
чрѣлеными (л. 33)
врѣже (л. 33)
подпрѣся (л. 33)
хрѣсови (л. 33 об.)
прѣтрѣгоста (л. 34)
чрѣнядыми (л. 34 об.)
пожрѣши (л. 34 об.)²⁹

В этом списке надо отметить встреченное 6 раз слово «чрѣленѣ». В первом издании оно дается 3 раза с группой «рѣ», согласно югославянской орфографии, и 3 раза фонетически правильно с группой «рѣ». Екатерининская копия во всех 6 случаях ставит «рѣ». Мы уже указывали, что колебания транскрипции в первом издании никоим образом нельзя рассматривать как ошибку или недосмотр издателей. Надо полагать, мы имеем и в данном случае точную передачу того разнообразия начертаний, которое имело в подлинной рукописи «Слова о полку Игореве». Следовательно, то единообразие написаний, которое мы видим в Екатерининской копии в таком случае, как «чрѣленѣ», означает «подравнивание» орфографии: Мусин-Пушкин выправлял древнее правописание по аналогии с большинством подобных случаев и ставил «рѣ».³⁰

Здесь любопытно указать еще одно слово: первое издание дает на стр. 32 «утрпѣ», Екатерининская копия проставляет и здесь «ѣ» после плавной (л. 32) — «утрпѣ», подгоняя этот случай под югославянский тип.

Таким образом, Екатерининская копия из 26 случаев написания группы «рѣ», «лѣ» дает, по-видимому, 3 описки: «ѣр», «ѣл» вместо «рѣ», «лѣ», и 3 раза выправляет написание оригинала «рѣ» на «рѣ».

²⁹ Как уже было сказано, мы исключаем слово «въ друзѣ», включенное А. С. Орловым в число примеров группы «рѣ», так как, судя по обоим спискам, оно и в оригинале стояло в том же написании. Это еще старая ошибка одного из списков поэмы — вместо «дрѣзѣ».

³⁰ Напомним, что по новой орфографии XV в. в середине слова, независимо от того, правильно это или нет, полагалось писать «ѣ», а не «ѣ».

Нам остается рассмотреть 45 случаев расхождения в обоих списках, когда Малиновский дает югославянское написание «рѣ», «лѣ», а Мусин-Пушкин — современные «ор», «ол». Приводим эти 45 случаев по первому изданию: пльку (в заглавии, стр. 1); наплънвися (стр. 5); плькы (стр. 5); плькы (стр. 6); вльци (стр. 9); дльго (стр. 10); плькы (стр. 10); чръныи (стр. 11); влькомъ (стр. 11); чръныя (стр. 12); мльнии (стр. 12); плькы (стр. 12); плькы (стр. 13); чрънигова (стр. 13); пльци (стр. 14); святоплькъ (стр. 16); плькы (стр. 17); чръна (стр. 17); плькы (стр. 18); мльвити (стр. 19); пльку (стр. 20); плькы (стр. 21); пльковъ (стр. 22); чръною (стр. 23); плькы (стр. 27); пльки (стр. 30); пльку (стр. 32); пльночи (стр. 35); влькомъ (стр. 35); влькомъ (стр. 36); влькомъ (стр. 36); пръвое (стр. 37); пръвую (стр. 37); пръвыхъ (стр. 37); пльку (стр. 39); слънце (стр. 39); вьвържеса (стр. 41); бръзъ (стр. 41); влькомъ (стр. 41); влькомъ (стр. 41); бръзая (стр. 41); вльнахъ (стр. 42); помлькоша (стр. 43); мльвить (стр. 43); пльки (стр. 46).

Мы не будем приводить полностью соответствующие написания Екатеринбургской копии, они все переданы совершенно правильно, в современной транскрипции с группами «ор», «ер», «ол»: полкъ, волкъ, молвити, волнахъ, молнии, полночи, черниговъ, первый, черный, борзый.

Надо отметить, что в первом издании имеется также ряд написаний с группой «ор», «ол», причем случаи эти всегда совпадают с Екатеринбургской копией; ср., например:

Первое издание

солнце (стр. 5, 8)
солнца (стр. 12, 25)
солнцю (стр. 32)
волгу (стр. 28)
черниговъ (стр. 20)

Екатерининская копия

солнце (л. 27 об., 28)
солнца (л. 28 об., 31 об.)
солнцю (л. 32 об.)
волгу (л. 32)
черниговъ (л. 30 об.)

Чем же тогда объяснить 45 случаев расхождения между обоими списками. Их слишком много, чтобы видеть в них «подравнивание». Остается думать, что они имели в оригинале какое-то особое написание, и такое написание известно нам из древнерусских рукописей. Дело в том, что исследователи обычно учитывают только три приема написания слов, имевших в древности группу «плавная + глухая» в положении между согласными: 1) согласно старославянской и, позднее, югославянской архаизирующей орфографии с группой «рѣ», «лѣ»: бръзый, влькъ; 2) древнерусское написание с перестановкой глухой: бързый, вълкъ; 3) современное написание: борзый, волкъ. Однако имеется и четвертый прием написания тех же слов — в сокращении с выносом плавной над строкой: б^рзый, в^лкъ.

Этот тип написания чрезвычайно распространен в эпоху полуустава, притом одинаково как в светских, так и в церковных памятниках. Как известно, одним из отличительных признаков полууставного почерка является большое увеличение количества сокращений по сравнению с уставом; это ускоряет и облегчает процесс письма. Подобных сокращенных написаний конечно не имелось ни в протографе поэмы XII в., ни в ее ранних списках. Сокращения эти вошли в текст постепенно, с переходом от уставного письма к полууставу. В сгоревшей рукописи Мусина-Пушкина они имелись уже в достаточном количестве. Следовательно, в подлиннике, по-видимому, имелось 26 случаев написаний югославянского типа, с группой «рѣ», «лѣ», и 45 случаев написания сокращенного, с выносом плавной. У Мусина-Пушкина они раскрыты обычным образом с группой «ор», «ол», у Малиновского — с группой «рѣ», «лѣ». Чем же объяснить эту необычную транскрипцию Малиновского? Надо вспомнить, что языковедения как науки еще не

существовало в его время. Буквы «ъ» и «ь» не означали для него звуков. Он стремился к точности в передаче рукописи. Сокращенное написание слова «пѣснь» = пѣ^с он передает как «пѣсь», т. е. оставляет только те буквы, которые имелись в подлиннике, и как уступку орфографии конца XVIII в. проставляет конечный «ь», полагающийся в этом слове.³¹ Он считал, очевидно, и в данном случае, что, передавая сокращение написания оригинала «в^кѣ» как «влѣкѣ», он не нарушает правописания рукописи, так как не вставляет ни одного нового звука, лишнего против подлинника, как это было бы в случае раскрытия по типу «волкѣ». Написания типа «влѣкѣ» встречались в оригинале в тех же словах, в которых приходилось раскрывать сокращения, а также и в аналогичных, т. е. имевших те же группы «ръ», «ль» между согласными. Таким образом, Малиновский раскрывал здесь сокращения оригинала по аналогии с теми написаниями, которые в нем имелись.

Малиновский не учел, однако, что даже писец XV в., если он ставил подобное слово полностью в строку, мог наряду с написанием типа «бръзый» и «влѣкѣ» поставить и такое, как «борзый», «волкѣ». Это видно, например, в псалтыри Епархиального собрания № 86, XV в., при ярко выраженном югославянском правописании.³²

Мы уже приводили примечание Н. М. Карамзина к III т. «Истории Государства Российского» (№ 268), где он дает цитату из «Слова о полку Игореве». Нас интересует в ней одно слово — «Святополкѣ». Карамзин указывает при этом 16-ю страницу первого издания, но пишет это слово иным, особым образом. Мы имеем в Екатерининской копии — «Святополкѣ», в первом издании — «Святоплѣкѣ», у Карамзина — «Святоплѣкѣ», т. е. он сносит в строку выносное «л», не раскрывая сокращения. Данное написание подтверждает наше предположение, что и в остальных 45 случаях югославянского типа, не согласных с Екатерининской копией, надо видеть передачу сокращенного написания с выносом плавной.

Таким образом, предположение С. П. Обнорского, что преувеличенное количество написаний «ръ», «ль» следует относить за счет югославянского влияния, а также мнение А. С. Орлова, видевшего в них отголосок протографа, отпадают.

В данном отношении непосредственный прием, примененный Мусиным-Пушкиным в Екатерининской копии, оказался удачнее и совпадает с правилами современной транскрипции древнерусских рукописей. Стремление к точности привело Малиновского к неправильному приему, который затемнил подлинное написание рукописи и придал памятнику большее количество написаний югославянского типа, с группой «ръ», «ль», чем их было на самом деле. На 17 страниц текста насчитывалось всего 26 написаний подобного рода, т. е. от одного до двух случаев на страницу. Цифры эти не противоречат количеству «і» десятеричного — 12 и количеству случаев отсутствия иотации — 9. Остальные 45 случаев архаизирующего югославянского типа являются не более, как условным раскрытием обычных сокращений с выносом плавной, имевшихся в полууставной рукописи конца XV—начала XVI в.

Надо заметить, что именно слово «полкѣ» в летописных текстах XV и XVI вв. обычно чаще всего пишется в сокращении, с выносом буквы «л».

³¹ И. И. Козловский. Палеографические особенности. ., стр. 3.

³² Смотри снимок, приведенный в IX т. ТОДРА (стр. 13).